



**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Владимир Войнович

Белый би-эм-даблью

Пьеса в двух действиях

ФТМ

УДК 82-22
ББК 84(2Рос)-6
В65

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

Войнович В. Н.

В65 Белый би-эм-даблтю: пьеса / Владимир Войнович. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 108 с.
(Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2084-2

Один американец знакомится через интернет с русской девушкой и приезжает в Москву, чтобы жениться. Но у него условие: она должна хорошо знать Достоевского, отчего возникают разнообразные смешные перипетии.

ISBN 978-5-4467-2084-2

© Войнович В. Н., 2016

© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Былкин Степан Петрович, чиновник средней руки.

Надежда, его жена.

Клава, его дочь.

Софья Гавриловна, мать Надежды.

Филипп Филипп, жених Клавы по переписке.

Немилов, поэт.

Микола, украинский почти олигарх.

Коблов, важный чиновник.

Володя, помощник Коблова.

Прахов, глава брачного агентства.

Действие первое

Картина первая

*Столовая в квартире Былкиных. Овальный стол покрыт скатертью, на нем признаки приготовления к торжественному обеду: тарелки, бокалы, рюмки. У края стола сидит **Былкин**. Тычет пальцем в кнопки калькулятора, вслух подсчитывает расходы. Говорит косноязычно. Фразы часто не договаривает. Подразумеваемые предметы заменяет неопределенными местоимениями.*

Былкин. Вино пять бутылок по восемьсот рублей. Водка две бутылки по двести. Надо же, на всё такие цены! Всё сотни, тысячи. А ведь было время, когда бутылка стоила три рубля двенадцать копеек. А пиво двадцать две копейки. Правда, его нигде не было. Но где было, там стоило двадцать две копейки. С бутылкой! А бутылку можно было сдать и двенадцать копеек обратно. Значит, само пиво сколько стоило? Вот посчитайте. Правда, был

дефицит. В магазинах ничего не было. Все приходилось доставать. Ботинки, шнурки для ботинок, стиральный порошок, туалетную бумагу, буквально все. И пива в магазины порой неделями не завозили. Зато, когда появлялось, побежишь, две авоськи домой притащишь, и такое удовольствие. Особенно если с воблой. Правда, воблы тоже не было. То есть она бывала. Но бывала тогда, когда не было пива. А пиво было тогда, когда не было воблы. Зато, если повезло и достал то и другое, это была такая радость... А теперь пиво есть, вобла есть, а радости нет.

В углу комнаты у открытого шкафа стоит Клава в ночной сорочке и бигуди. Снимает с вешалки платья, одно за другим, прикладывает к себе, смотрит в зеркало, разочарованно вздыхает. Они все слишком велики.

Клава (в отчаянии). Ну совершенно нечем прикрыть брненное тело. Какие-то ужасные балахоны! Висят на мне, как на палке. И никто даже не замечает, что мне не в чем ходить. При живых родителях существую, как сирота, ни внимания, ни помощи ни от кого.

Былкин (продолжает мыслить вслух). Теперь всё есть, а культуры нет.

Клава. И что это за родители, которые допускают, чтобы их родная дочь ходила в обносках?

Былкин. А где нет культуры, там преступность. Сумки на ходу вырывают, в лифтах девушек насилизуют, за мобильный телефон могут убить. Говорят —

запретить продажу оружия. Да у нас надо запретить продажу всего. Топоров, ножей, вилок, отверток, гвоздей, шил.

Клава. Кто шил? Никто мне ничего не шил. Да и не обязательно шить, можно и готовое подобрать что-нибудь от Диора, Кардена, Армани. В крайнем случае, от Юдашкина. Вон у Ленки родители всё ей покупают, чего ни захочет. Только намекнет, а ей по щучьему велению платье, сапоги, шубу... Ко дню рождения иномарку подарят. А у меня родители... Не знаю, может, вы меня из детдома взяли или на помойке где-нибудь подобрали.

Былкин (наконец услышал). Глупость какая, подобрали ее! Ты разве не видишь, что когда в теле, ты просто копия матери. А теперь, конечно, похудела, так это... И кто ж тебе виноват? Надо было думать, прежде чем диету это вот да. Надо ж понимать, что если ты худеешь, тряпки твои вместе с тобой... они ведь не это, они ведь худеть не будут. И теперь это не подходит и это, а виноват обратно же я. И мне же опять оплачивать гардероб, и для гостей вон сколько чего накупили. Мать твоя натура широкая, и деньги туда-сюда. А того не понимает, что мне с моими доходами хватает только на туда или на сюда. А на туда-сюда нет. А она за одну только вырезку две тысячи отдала. И ради кого? Ради американца, который как бы жених. Еще неизвестно, чем дело кончится, а уже сколько денег ухлопали.

Клава. А я вас просила ухлопывать? Американцы люди демократичные. Им не обязательно дым в глаза пускать.

Былкин. Вот и я говорю — не обязательно. А мать-то твоя, нет, как же, он же американец, высшая раса. Есть у нас все-таки эта черта рабская, раньше называли низкопоклонство перед всем иностранным. Между прочим, он тебя видел на снимке. А свое фото прислал?

Клава. Не фото, а видео.

Былкин. Ага, как на саксофоне играет. И список требований. Номер один, номер два, номер три. Чтобы невеста любила семью, хотела детей, умела готовить, имела чувство юмора и читала Достоевского. Нет бы кого там из современных, а то Достоевского. Гурман какой! Он ради Достоевского выучил русский язык, а невеста ради него должна выучить Достоевского. Это ж несопоставимо. Ну ради Достоевского да, но ради тебя... Кто ж ты такой? Ну, я понимаю, американец, но даже американец не всякий на Достоевского тянет. Клав, а ты сама Достоевского правда читала или лишь бы американцу мозги запудрить?

Клава. Пап, ты же знаешь, что я дипломную писала по «Преступлению и наказанию»?

Былкин. Вот нашла чем заниматься в своем педагогическом. Послушалась бы меня в свое время, изучала бы экономику, писала бы не «Преступление и наказание», а что-нибудь про прибавочную стоимость или про крекинг нефти, сама бы теперь

заработала и на платье, и на шубу, и на что там еще. И папашке бы еще поднесла чего-нибудь к юбилею. Какие-нибудь швейцарские часики, брегет какой-нибудь скромный, тысяч за пятьдесят. Долларов. А я ношу за восемьсот рублей и доволен. Время показывают секунда в секунду, а чего мне еще надо? Тем более что народ у нас глазастый. Особенно журналисты. Приходят с расспросами, как контора работает, а сами тебя с ног до головы взглядом общупают, интересуются, какие на тебе лейблы натянуты и что на руке сверкает. А потом при случае заметят, что Былкин зарплату получает такую, а часы носит такие. А Былкин не дурак, Былкин всегда помнит, кто тварь дрожащая, а кто право имеет.

Входит Надежда с большим блюдом пирожков, которое ставит на стол.

Надежда (изображает уличную торговку). Горячие пирожки! С мясом, капустой, яичком, луком! (Напевает.) Доченька, дружок, скушай пирожочек!

Клава не отвечает, вертится перед зеркалом.

Надежда. Клава! Ау!

Клава. А?

Надежда. Пирожочек, говорю, откушай.

Клава. Мам, ты что? Какой пирожочек? Ты знаешь, сколько в нем калорий?

Надежда. Да причем тут калорий? Ты со своими калориями скоро в зеркале отражаться не будешь.